

Коллектив авторов

**Маяк современного просвещения и
образованности**

Часть 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Маяк современного просвещения и образованности: Часть 8 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 216 с.

ISBN 978-5-517-93309-6

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю.А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93309-6

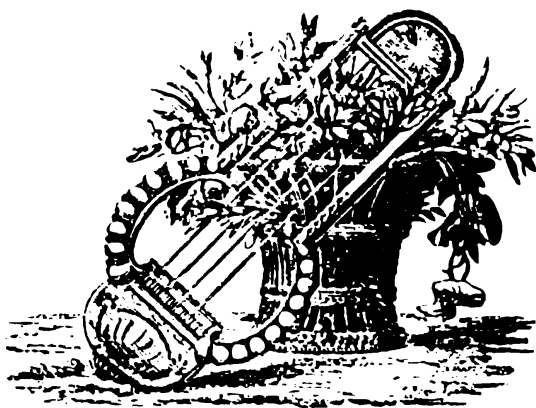
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПАЖЪ,

БАЛАДА.

...., Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно.“

Пушкинъ.

Пажъ мой, пажъ молодой, трубадуръ до-
рогой,
Поскорѣй къ госпожѣ подойди!
Хоть теперь я вольна, но я—видишь —
болѣна:
Жаръ горитъ на щѣкахъ и въ крови;
Сердце бьется, дрожитъ, огонь во взорахъ
блеститъ,
Все къ чему-то стремится душа;
Въ члены трепетъ пропикъ: отчегожъ
жаръ возникъ?
Я вольна, молода, хороша.
Трубадуръ молодой! слѣдъ у ногъ моихъ,
спой
Только спой что нибудь про любовь;
Знаю я: пѣснь твоя успокоитъ меня,
Прохладитъ мнѣ горячую кровь!
Какъ ты пышно одѣтъ! какъ лиловой бе-
реть

Горделиво чело осынилъ!
Какъ колетъ твой хорошъ! какъ ты ста-
тенъ, пригожъ! . . .
Чтожъ ты взоръ на меня устре-
милъ? . . .
Пой, мой пажъ, и играй! пѣснью грусть
разгоняй! . . .
Что же сталъ ты, мой милый пѣ-
вецъ? —
„Я пою! я пою!“ взявъ онъ цитру свою,
Заигралъ и запѣлъ наконецъ.
„На Прованской землѣ, на высокой скалѣ,
Надъ широкимъ заливомъ стоялъ
Крѣпкій замокъ. Кругомъ гордыхъ ба-
шенъ вѣнцомъ
Онъ вершину свою ограждалъ.
Въ этомъ замкѣ жила, распускалась, цвѣла
Молодая Баронская дочь.

Увивался вокруг — пышныхъ рыцарей
кругъ.

Каждый мигъ, каждый часъ, день
и ночь.

Только ближе всѣхъ къ ней былъ владыка
полей

И земель аквитанскихъ Баронъ.

Съ пылкой гордой душой Паладинъ мо-
лодой

И пѣвецъ изъ далекихъ сторонъ.

И межъ ними она друга выбрать должна

И во храмъ съ нимъ стать подъ
вѣнецъ.

А Баронъ былъ богатъ, рыцарь рваться
радъ,

Славенъ пѣснями бѣдный пѣвецъ.

Разъ—зоветь въ теремъ свой ихъ она, и
съ тоской

Обожателямъ такъ говоритъ:

Я васъ знаю давно, и ко вѣмъ вамъ равно

Сердце пылкое страстью горитъ.

Но супругомъ моимъ, обожамъ, любимъ

*Будетъ тотъ кто вѣкъ больше, силь-
ный*

Меня любитъ изъ васъ, и кто мною плененъ,

Страсть свою мнѣ докажетъ лаской.

Всталъ надменный Баронъ: — твоя воля—
законъ!

Я сей часъ отправляюсь къ себѣ;
Ангель жизни моей! всѣхъ богаче людей

Будешь ты—я ручаюсь тебѣ! —

Гордо рыцарь вскочилъ, свѣтлый мечъ
обнажилъ:

«Прочь пустыя богатства мечты!

Я весь міръ покорю, и тебѣ подарю:

Будешь міра царицею ты! —

Удалились они, и остались одни,

И въ молчаніи, съ дѣвой пѣвецъ.

Сердце билось сильнѣй, грудь вздымалась
у ней

И сказала она наконецъ:

— *Что же ты все молчишь? . . . на кого
ты глядишь? —*

„На тебя я въ восторгѣ гляжу.

— *Чѣмъ же ты, она вновь, мнѣ докажешь
любовь? —*

„Я любовью — любовь докажу“

Коль меня изберешь, то со мной прове-
дешь

Жизнь въ блаженствѣ и счастья
всегда:

Будешь ты, ангелъ мой, всѣхъ счастли-
вѣй со мной

И печали не знать никогда.

Я любовью богатъ; еслижъ вдругъ пода-
рять

Мнѣ въ замѣнъ — также пылкую
страсть, —

Я богаче, сильнѣй всѣхъ на свѣтѣ людей:

Мнѣ досталась лучшая часть!

Что въ богатствахъ пустыхъ, что въ
вѣнцахъ золотыхъ?

Я любви лишь взаимной ищу!

Вмѣсто денегъ, вѣнцовъ, подарю я любовь

И любовью—любовь заплачу!“

Пажъ вздохнулъ, замолчалъ; чистой стра-
стью блисталъ —

Взоръ его, гдѣ свѣтилась слеза:

Онъ такъ нѣжно глядѣлъ, но сказать онъ
не смѣлъ;

Госпожа опустила глаза

И сидѣла стыдась... Наконецъ ободрясь,

— Чтожъ конецъ твоей пѣсни, мой
пажъ? —

Вспыхнулъ радостью онъ, ободренъ, вос-
хищенъ;

О! скажите любю — я прошу, я молю!

Одно слово я слышать хочу!

Вамъ свобода дана!?“... И шепнула она:

„Я любовью — любовь заплачу!...“

В. ЗОТОВЪ.

СПРАВЕДЛИВОМУ СУДЬѢ.

Justicia !!!

„Друзья мои! какой вѣкъ лучше *золотаго*?

О! если бы для насъ насталъ онъ снова!“

Судья кричитъ.

— „Тогда жилъ честный Аристидъ!! —“

Судья—ни слова;

Молчитъ.

РЕБЕНОКЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Г. А.

Вблизи отъ дороги, подъ тѣню липы,
Рученки скрестя
Прикрыто цвѣтами, въ своей колыбелькѣ
Уснуло дитя.

Лучъ солнца сквозь вѣтви къ нему не
проникнетъ

И лишь вѣтерокъ,
Порой пролетая, тихонько тревожитъ
Листокъ, иль цвѣтокъ;

И пѣсни пернатыхъ къ младенцу несутся
Отъ разныхъ сторонъ,
И, будто, въ отвѣтъ имъ, уснувшій мла-
денецъ
Смѣется сквозь сонъ.

Узорныя крылья расправивъ, порхаютъ
Надъ нимъ мотыльки,
Иные приблизясь опять улетаютъ,
Коснувшись руки.

Но вотъ и проснулся веселый младенецъ,
Цвѣты приподнявъ,
И смотреть на міръ онъ, и міромъ лю-
буясь,
Смѣяться онъ сталъ.

Развѣся, бросаетъ цвѣты на дорогу
Рученкой своей:
Полна колыбель вѣсильковъ и фіалокъ
И розъ и лилей.

Развѣлся ребенокъ, и вотъ въ колыбелькѣ
Ужъ нѣтъ васильковъ,
Нѣтъ розъ и фіалокъ, лилей ужъ не стало,
Есть много листовъ.

И скоро послѣдній летитъ за цвѣтами
Зеленый листокъ. . . .
Взгрустнулось малюткѣ; но милый пор-
хаетъ
Надъ нимъ мотылекъ.

Онъ ловить сначала его улыбаясь,
А послѣ сквозь слезъ,
И все не понимаетъ, и жалъ ему стало
Покинутыхъ розъ,

Такъ точно и въ жизни какъ этотъ ре-
бенокъ

Мечтатель поэтъ,
Онъ дремлетъ, прикрытый мечтами — цвѣ-
тами

И грусти въ немъ нѣтъ.

И вотъ пробудился онъ къ жизни мя-
тежной

И рветъ ужъ цвѣты,
Бросая безъ цѣли, а чуть ихъ не стало,—
Еще есть листы.

А послѣ за славой стремится, но слава
Какъ тотъ мотылекъ,
Который кружится, рѣзнится, порхаетъ
Пока есть цвѣтокъ. . . .

Пѣвецъ! не спѣши наслаждаться безъ цѣли,
Мечтами шутя;
Не то будешь плакать о кинутыхъ ро-
захъ,

Какъ это дитя.

АЛЕКСАНДРЪ ЧУЖБИНСКІЙ.

ДѢВИЦА ВОИНЪ.

Непостижимъ твой подвигъ чудный!
Свой нѣжный, слабый полъ презрѣвъ,
Ты на стезѣ мужчины трудной
Явилась гениемъ изъ дѣвъ.
Отвергнувъ хвалъ и лести данн,
Отрекшись нѣги и любви,
Ты предпочла тревоги брани
Волненью сладкому въ крови.
И достойнѣ корсета —
Младая прелести жени —
Въ темницу узкаго колета
Безжалостно заключены;
Подъ злымъ орудьемъ отреченья
Съ главы скатился шелкъ кудрей:
Теперь къ чему ей украшенья?
Убранствомъ киверъ служить ей!
Звучить булатъ въ пожнахъ тяжелыхъ
У округленнаго бедра —
Игрушка воиновъ дебелыхъ.
И одръ покинувъ до утра,

Хребту коня свой станъ ввѣря,
Свой полъ межъ ратниковъ скрывая
Ты держишь съ ними трудный путь.
Кипитъ отвагой дѣвы грудь,
И на конѣ, наѣздникъ новый,
Въ рукъ, сжавъ сабли рукоятъ,
Белюны видѣ принявъ суровый,
Летитъ на вражескую рать.

Остановись, прелестный воинъ!
На гибель смертныхъ не стремись!
Тебя мечъ брани недостойнъ.
Другимъ мечемъ вооружись!
Не страхъ и смерть носить съ собою
Тебя природа создала;
На радость смертнымъ, не на боль,
Она тебя къ нимъ призвала;
И не пугать ихъ грозными окомъ,
Но взоромъ нѣжнымъ ихъ прельщать;
Не сталью ихъ разить жестоко —
Улыбки прелестью сражать,
Ихъ не въ объятяхъ смерти хладныхъ
Должна ты видѣть предъ собой —
Въ своихъ объятіяхъ отрадныхъ
Удѣлъ твой — ихъ дружить съ судьбой.

Покинь-же мечъ изъ нѣжной длани,
Сбрось свой воинственный нарядъ,
Стань міра ангеломъ средъ брани; —
И всѣ твой полъ благословятъ.

АЛЕКСАНДРЪ ГЛѢБОВЪ.

КАРТИНА ЖИЗНИ.

Задумчивый труженикъ жизни зашелъ
Къ художнику разъ въ мастерскую,
И вотъ онъ — на мольбертѣ друга нашелъ
Картину весны мастерскую;
Дивится картинѣ: съ одной стороны
Все свѣтъ, а съ другой однѣ тѣни....
„Зачѣмъ бы подергивать прелесть весны
„Печальною мглой привидѣній?
„Зачѣмъ не одѣлъ ты, художникъ — поэтъ,
„Красавицу тѣми лучами,
„Которыми красится розовый цвѣтъ
„И солнце горитъ надъ лугами?“
Вошедшій художникъ окно отворилъ
И другу съ улыбкой отвѣтилъ:

„Затѣмъ что картину не я сочинилъ,
„А въ Божьей вселенной подмѣтилъ;
„Взгляни на природу: тамъ ясность и тѣнь,
„Какъ горе и радость межъ нами;
„Тамъ ночью смѣняется радужный день
„И роза растетъ надъ шипами!“

П. КОРСАКОВЪ.

ДѢВУШКА НА БАЛКОНѢ,

АНТОЛОГИЧЕСКАЯ ШУТКА.

На балконѣ стояла
Дѣвица — краса
И о чемъ-то мечтала:
То безъ цѣли вперля
Томный взоръ въ небеса;
То въ раздумьи съ собою
Пылкимъ взоромъ своимъ —
Какъ лучемъ огненнымъ —
Разсыпалась порою
Надъ подолемъ земнымъ.

И раздумье милой дѣвушки,
И мечту ея забывшую
Мнѣ хотѣлось разгадать . . .
Чу! вотъ шепчется съ красавицей
Перелетный вѣтерокъ;
И вопросъ мой къ перелетному
Я украдкой обратилъ.
„За мужъ хочется красавицъ —“
Прошепталъ мнѣ вѣтерокъ . . .

КОЛОМЕНСКОЙ СТАРОЖИЛЪ.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

(посвящено Е. И. . А — ой.)

Она сказала мнѣ: „за нѣжное участіе
Въ послѣдній разъ, мой другъ, тебя бла-
годарю;
Не обвиняй меня, — мнѣ суждено несчастье,
И я иду къ вѣнцу — какъ жертва къ ал-
тарю.“

Гдѣ жъ счастье? — гдѣ, хотя одна минута
Мнѣ драгоценная земнаго бытія,

Когда съ младенчества не знала я приюта
И ласки матери,—дитя, не помню я.

Но съ этихъ лѣтъ еще людей я разгадала
Боялась ихъ рѣчей, бѣжала ихъ похвалъ,
Тоскѣ моей межъ нихъ подруги не искала,
— И Богъ ее мнѣ въ ангелъ послалъ.
Бывало горе все, заботы и печали
Она со мной всегда старалась раздѣлить;
И чувства грустныя на время замолчали
Чтобы сильнѣй потомъ меня отяготить.

Ахъ, для чего всему прекрасному на свѣтѣ,
Печальная здѣсь участь суждена?.....
Какъ вянетъ вдрутъ цвѣтокъ,—въ роскош-
номъ, пышномъ цвѣтѣ,
Во цвѣтѣ лѣтъ увяла и она.

Безъ тоски, безъ укоризны
Чистой, дѣвственной душой
Въ край святой своей отчизны
Унеслась она съ мольбой.
Тихо ангелъ въ часъ разлуки
Осѣнилъ ея чело,
И оно въ предсмертной мукѣ
Было ясно и свѣтло.
Съ ней надежду схоронили;
И погасла навсегда
Надъ безвременной могилой
Благодатная звѣзда.
Одинокая, предъ свѣтомъ,
Я по прежнему молчу
И молю людской отвѣтомъ
Никогда не заплачу.
Съ колыбели—жертва рока,
Я несу судьбы вѣнецъ,—
И безъ жалобъ, безъ упрека
Жду, придетъ ли мой конецъ.“

О, грустно мнѣ было про горе бывшее
Разсказу страдальцы—дѣвы внимать,
И въ эту минуту, все счастье земное
Для счастья ея я готовъ былъ отдать.
Предъ нею замолкли земныя желанья,
Предъ ней я не смѣлъ пастъ съ лю-
бовью земной;
Но тяжело мнѣ было безсилъя сознанье,
И долго я плакалъ въ молитвѣ свя-
той.

(КНВ—КРЪ).

ТОСКА ПОДРУЖКИ.

Не дождусь того я времени,
Когда птички голосистыя,
Прилетаючи на родину,
Запоютъ мнѣ пѣснь утѣшную,
И когда цвѣточки алые
Оболются вокругъ груди моей.
Не дождусь, когда любезная
Прилетитъ моя голубушка,
Принесетъ мнѣ вѣсть отрадную,
Проворкуетъ мнѣ любовь свою.
Весна красна не воротится,
Не видать ужъ мнѣ и ясныхъ дней!
Вѣтры буйны поднимаются,
Черны тучи собираются;
То не вѣтеръ колышетъ лѣсъ,
Все вздыхаетъ красна дѣвица,
Не изъ тучи льется крупный дождь,
Льются слезы изъ очей ея; —
О подружкѣ плачетъ дѣвица,
Говоритъ она, вздыхаючи:
Отлетѣла ты, голубушка,
Одинокую оставила
Въ тоскѣ лютой горе мыкати.
Ты тоска ли, тоска люта!
Ты змѣя ли злохидная!
Полно, полно меня мучити;
Иссушила ты всю грудь мою,
Подкатилась подъ сердечинько,
Кругомъ шеи обвилася ты,
И внилася въ сердце дѣвичье,
Въ сердце чистое, безвинное.

П . . . КИЙ.

КТО ВСѢХЪ СЧАСТЛИВѢЕ?

Les dieux dans son bonheur peuvent-ils l'égalер?
Sapho.

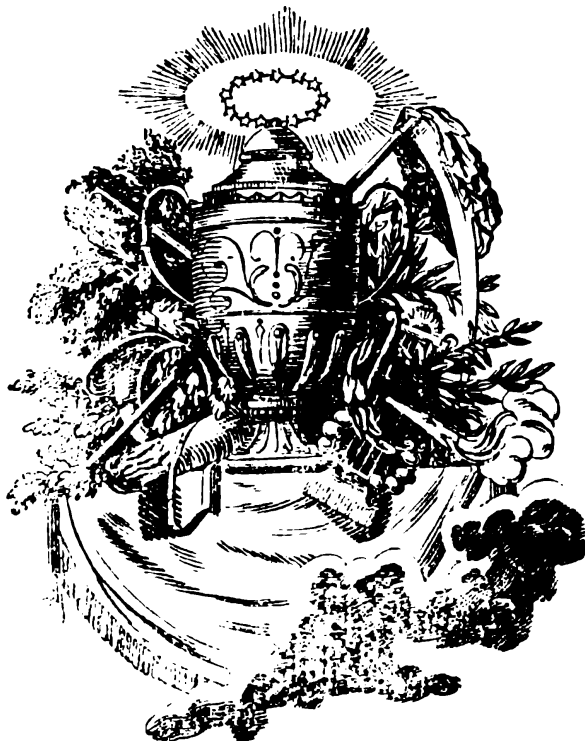
Кто въ первый разъ, друзья, извѣдалъ
славу,
Кто въ первый разъ изъ чаши міра пилъ
Пріятную, но тонкую отраву, —
Былъ славенъ и великъ—тотъ счастливѣе
былъ!
Кто въ первый разъ на зовъ больного
сердца
Услышалъ сладкій отзывъ и отвѣтъ,
Кто друга — въ мысляхъ, съ чувствомъ
одновѣрца

Нашелъ и понялъ на разсвѣтѣ лѣтъ;
 Кто въ первый разъ любви извѣдалъ силу,
 Кто на груди блаженства чашу пилъ,
 Кому впервые голосъ нѣжный, милый
 Шепнулъ — „люблю!“ О! какъ тотъ счаст-
 ливъ былъ!
 Но кто впервые—вдругъ—въ груди могу-
 чей
 Почувствовалъ поэзіи призывъ,

Когда на сердца вспыхнулъ огонь кипу-
 чий —
 Всѣ мысли, чувства, страсти обхвативъ,
 Когда блеснулъ потокъ рѣчей огнистыхъ
 И разлился въ размѣръ и огонь —
 Въ святыхъ мечтахъ и въ наслажденьяхъ
 чистыхъ
 О! счастливъ онъ и счастливъ онъ вдвойнѣ.

В. ЗОТОВЪ.

П Р О З А.

ПОВѢСТЬ.

I.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ПЕЗНАКОМЕЦЪ.

Осенью, помнится, въ первыхъ числахъ Октября, вся Грязеславская знать съѣхалась на балъ къ почетному попечителю Грязеславской гимназіи. Кто читалъ мою повѣсть *Неразлѣпный червонецъ*, тотъ знаетъ, гдѣ стоитъ губернский городъ Грязеславль. На географическихъ картахъ его пѣтъ: наши географы ни за чѣмъ не смотря, не слѣдуютъ за новыми открытіями въ наукѣ.

Часть VIII. Гл. II.

Балъ могъ похвалиться и блескомъ и роскошью, но его главное достоинство состояло въ томъ, что онъ не походилъ на балы провинціальныя: въ немъ видна была жизнь, со всеми радужными красками граненаго ума и полированныхъ чувствъ. Причиною такого неслыханнаго явленія навѣрно было то, что въ числѣ гостей находилось много лицъ, образованныхъ въ столицѣ, въ хорошемъ

кругу. Грязеславская философія со всѣмъ своимъ жеманствомъ, мишурною веселостью и неподдѣльною скукою убѣжала въ дальній уголокъ подъ покровительство отцвѣтшихъ нравоучительницъ.

Четыре или пять комнатъ, ярко освѣщенныхъ, вмѣщали въ себѣ шумное и разноцвѣтное море веселыхъ собесѣдниковъ. Живописныя купы мужчинъ и женщинъ образовали картину, достойную кисти художника. Всюду носились эфирныя красавицы, какъ золотыя мечты юности, какъ легкія свѣтлыя облачки въ теплой, ароматной атмосферѣ. Страстные взгляды и тонкія рѣчи ловкихъ щеголей преслѣдовали ихъ усердно и постоянно. Но всѣхъ лучше, всѣхъ увлекательнѣе была княжна Горецкая. Голубое платье, какъ лазурь небесъ, величаво обнимало ея стройный высокій станъ; блонды рисовались по лазури чудными образами. На прекрасныхъ щекахъ горѣла прекрасная заря, а въ темно-голубыхъ очахъ сіялъ день, ясный, очаровательный. Вглядитесь въ эти очи, въ это прелестное, обворожительное лице, вамъ невольно придутъ на мысль всѣ картины, всѣ статуи, усиливающіяся изобразить небесную красоту. Въ каждомъ положеніи княжна живописна, въ каждомъ положеніи можно было видѣть, что она и не думаетъ морочить своими достоинствами, а невольно выказываетъ то, чѣмъ богато надѣлила ее щедрая природа. Она была царицей бала, по царицей по праву: никто не смѣлъ и не могъ сравнять ее съ другими. Отборная молодежь окружала ее толпою, каждый ждалъ ласковаго слова и улыбки какъ счастья. Княжна всѣмъ улыбалась, всѣхъ дарила ласкою, потому что для царицы всѣ усердные подданные равны. Даже опальные фраки не могли пожаловаться, что ихъ считаютъ ниже блистательныхъ мундировъ. Княжнѣ девятнадцать лѣтъ; въ эти годы рѣдкая женщина не желаетъ закружить голову цѣлому міру.

— «Скажите, княжна — спросилъ молодой майоръ — что вамъ правится больше всего на свѣтѣ?»

— «Простодушный вопросъ; —» отвѣчала она лукаво засмѣявшись, и повернулась къ другому.

— «Вы въ большой опасности,» замѣтилъ ей одинъ френчъ, съ улыбкой посмотрѣвъ на окружающую толпу френчей и мундировъ.

— «Я спрячусь за васъ — и все разбѣжится,» отвѣчала она.

— «Отчего вы сегодня не танцуете?» спросила она, обратясь къ юному графу Звѣздичу, капитану гвардіи.

— «Я поклялся не танцовать — отвѣчалъ тотъ — если не вы будете моей дамой.»

— «Но я также поклялась не танцовать съ вами болѣе одного кадрили,» сказала она.

— «За что такое немилосердіе?»

— «За то, что вы сами немилосердны къ другимъ.»

Балъ для свѣтской женщины все равно, что бранное поле для полководца: тутъ все ея величіе, слава и счастье. Еще свѣтская женщина на балѣ, похожа на стеклянную призму въ лучахъ солнца — отнимите лучи, призма будетъ просто стекло, непригодна ни къ какому употребленію. Такія мысли очень неутѣшительны, но онѣ приходятъ невольно въ нашъ вѣкъ, движущійся посредствомъ паровыхъ, электродинамическихъ и романтическихъ машинъ. — Княжна обладала неподдѣльными достоинствами, высокая душа ея выражалась слишкомъ ясно и положительно; а все таки она, какъ роскошный фейерверкъ, горѣла въ собственномъ огнѣ своемъ для утѣшенія толпы, для того чтобы ее похвалили. Ей нравилась благоговѣйная внимательность паркетныхъ рыцарей, и она почитала себя счастливою. Но вотъ она уклонилась наконецъ и съѣла въ уголокъ, между старушками. Она понимала, что и въ этомъ уединеніи не останется забытою; что и здѣсь

смотреть на нее десятки глазъ, и что ей притворная задумчивость подасть поводъ къ тысячъ тонкихъ намековъ будущаго разговора. Собесѣдники рисовались въ живой и прекрасной картинѣ, а ей казалось, что все это для нее, что каждое сердце бьется или завистью къ ней или любовью: такъ много была она очарована всеобщимъ вниманіемъ.

Протекло нѣсколько минутъ въ гордомъ забытій сердца, и вдругъ глаза княжны остановились неподвижно

Не далѣе какъ въ пяти шагахъ, стоялъ молодой человекъ прекрасный собою и вовсе непохожій на толпу обыкновенныхъ любезниковъ. Начиная отъ чернаго фрака и до бѣлой перчатки, все въ немъ было хорошо и между тѣмъ ничто не показывало желанія нравиться. Темнорусые волосы, причесанные безъ всякой изысканности, красиво освѣщали его важное и открытое чело; легкій румянецъ игралъ въ щекахъ, но выраженіе лица было нѣсколько мрачно. Казалось, онъ задумался о чемъ-то минувшемъ, не обращая никакого вниманія на настоящее. Оди только звуки флигеля, на которомъ въ это время играла искусная виртуозка, заставляли его изрѣдка прислушиваться. Благородная осанка, спокойный, сробкій взглядъ, обличали въ немъ человека, хорошо знакомаго съ своимъ обществомъ, — но опять нельзя было не сказать, что онъ не принимаетъ никакого участія въ удовольствіяхъ собесѣдниковъ. Даже иногда на устахъ его проявлялась горько насмѣшливая улыбка. Никто къ нему не подходилъ, никто не обращался съ вопросомъ.

Глядя на него, можно было подумать, что это странникъ, нечаянно забредшій въ толпу пирующихъ.

Непостижимое чувство взволновало грудь блестящей княжны: никогда еще не видала она такого прекраснаго лица, съ такимъ очаровательнымъ выраженіемъ души необыкновенной. Гордость исчезла, она сама готова была снзой-

ти, только бы узнать, кто онъ? о чемъ такъ думаетъ?

Но вотъ подошелъ къ нему хозяинъ, ласково пожалъ руку и съ улыбкой заговорилъ. Можно было догадаться, что онъ заставляетъ его танцовать. И дѣйствительно, задумчивый незнакомецъ разсѣянно повернулся кругомъ, искалъ глазами даму. Жребій палъ на княжну — онъ подошелъ къ ней. Царица очень охотно и весело подала свою пухленькую ручку. Въ кадрилиномъ разговорѣ надѣялась она узнать хоть нѣсколько этого занимательнаго человека. Пары танцоровъ становились на мѣста; музыканты отыскивали въ потахъ кадрили изъ Фенеллы; нетанцующіе отодвигались въ дальніе уголки. Настало минутное молчаніе.

Княжна хорошо знавшая свѣтъ начала разговоръ съ своимъ интереснымъ кавалеромъ. форменнымъ вопросомъ: «кто нашъ *vis-à-vis*?»

— «Я просилъ В.» отвѣчалъ онъ.

— «Вы хорошо знакомы съ В.?» опять спросила она, будто не хотя.

— «Нѣтъ. Я встрѣчался съ нимъ только на балахъ.»

— «Развѣ балъ не мѣсто для знакомства?» замѣтила княжна.

— «Я думаю—отвѣчалъ онъ—на балѣ выставляются на показъ одни только «наличныя» вещи.

— «А вамъ непременно хотѣлось бы находить недостатки?»

— «О, нисколько!... однако согласиможно ли сказать: знаю человека ~~хорошо~~—если я обмѣнялся съ нимъ ~~своими~~ прекрасныхъ, заученныхъ привѣтствій?»

Княжна замолчала. Первый разъ въ жизни она поставила «продолженіе впредь»; и первый разъ въ жизни почувствовала себя ниже своего танцевальнаго товарища. Это колынуло ея самолюбіе; она стала искать средствъ уплатить долгъ.

А онъ, какъ побѣдитель, живописно стоялъ, соединивъ руки, холодно

слѣдилъ взорами за танцующими и насколько не торопился утѣшать свою даму кадрилиными нѣжностями.

— «Кажется вы большой врагъ баловъ» сказала княжна съ такимъ выраженіемъ лица, предъ которымъ трепещутъ сердца юношей?

— «Я слѣдую за вѣкомъ — отвѣчалъ онъ, не измѣнивъ своего положенія — всѣ кричатъ противъ блестящихъ собраний, увѣряя, что тамъ нѣтъ ни ума, ни чувства.»

— «И вы вѣрите этимъ крикунамъ?»

— «Да, потому что у меня не достало бы силъ перекричать всѣхъ; при томъ я не непремѣнный членъ баловъ: не могу и судить объ нихъ; кричатъ люди, исключительно посвятившіе себя балльной жизни, а съ профессорами — не спорять.

— «Не думаю: кричатъ только тѣ, которымъ хочется прослыть или умными или оригинальными.»

— «Стало быть кричатъ всѣ: кому не хочется прослыть и умнымъ и оригинальнымъ?... вы вѣрно знаете, что теперь придуманы даже особенные взгляды и улыбки; искусство казаться не тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ есть, подведено подъ строгія правила и формулы.

— «О, это слишкомъ строго, даже злю!» проговорила княжна весело засмѣявшись.

— «Простите, если злю, за то сказано отъ души,» отвѣчалъ онъ съ своимъ непоколебимымъ хладнокровіемъ.

— «О, я вѣрю, вѣрю, что вы говорите отъ души, что вы не балльный кавалеръ!»

Онъ быстро взглянулъ на нее, какъ будто удивясь такой выходкѣ, но не отвѣчалъ ни слова.

Княжна также замолчала и задумалась.

Странная мысль уцепилась за сердце: ей пришло въ голову, что этотъ умный философъ считаетъ ее ни болѣе ни меньше, какъ свѣтской вѣтренницей.

Въ шестой фигурѣ кадрили, когда со-

сѣднія пары только что выдвинулись впередъ, онъ обратился къ княжнѣ и сказалъ:

— «Графъ Звѣздичъ танцуетъ прелестно.»

— «Да — отвѣчала она — графъ владеетъ этимъ искусствомъ въ высокой степени»

— «Жаль только — сказалъ онъ — что наши танцы начинаютъ превращаться просто въ прогулку по узорамъ.

— «Но и для узорчатой прогулки надобно искусство» — замѣтила княжна.

— «О, безъ сомнѣнія. И кромѣ того надобно имѣть еще въ запасѣ много сладкихъ рѣчей, и спасать ими своего товарища отъ скуки: а на балахъ — говорятъ — скуки нѣтъ: какъ согласить противорѣчія?

Что это за человѣкъ? подумала княжна, уходя послѣ кадрили къ своему стулу. Разочарованный ли это влюбленный, или просто умный, холодный эгоистъ? что его занимаетъ? о чемъ онъ думаетъ? какъ бы подслушать тайну этой таинственной души.....

Думы ея прильнули къ черному фраку.

— «Надѣюсь, княжна, вы согласитесь танцевать со мной слѣдующій кадрилъ,» сказалъ графъ Звѣздичъ, подлѣтѣвшій къ ней въ ту самую минуту, когда она снова хотѣла сѣсть въ уголокъ, между старушками.

— «Если вы надѣетесь, то мнѣ нельзя отказать» — отвѣчала она улыбающейся.

— «Почему нельзя?» спросилъ графъ.

— «Потому что слово *надѣюсь* на балльномъ языкѣ значитъ тоже, что приказываю вамъ.

— «Ха! ха! ха! такъ вы въ четверть часа успѣли уже перенять тонъ разговора умнаго флегматика въ черномъ фракѣ?»

— «Кстати: съ кѣмъ я танцевала послѣдній кадрилъ?»

— «Надѣюсь, что вы знаете его хорошо» — отвѣчалъ графъ съ улыбкой,